

С. П. СОРОКИНА
(Москва)

УКРАИНСКИЙ КРАЕВЕД ИВАН СПИРИДОНОВИЧ АБРАМОВ

Аннотация. В статье рассказывается о судьбе талантливого краеведа и собирателя фольклора И. С. Абрамова. Характеризуются собранные им фольклорные материалы, хранящиеся в РГАЛИ. Анализируются этнографические очерки Абрамова, посвященные как родной фольклорно-этнографической традиции, так и написанные на основе материалов, собранных в экспедициях, совершенных по различным территориям России.

Ключевые слова: фольклор, этнография, краеведение, история фольклористики, архивные материалы.

Традиционная культура 3/2010

Научный альманах

98

Хорошо известно, что нашим знакам фольклорной традиции второй половины XIX — начала XX вв. мы в значительной степени обязаны замечательной плеяде увлеченных энтузиастов-собирателей, для которых этот нелегкий труд не был профессией, но стал настоящим призванием. Однако об их судьбах да и о многих аспектах деятельности нам подчас известно крайне мало. Нельзя не согласиться с мнением Т. Г. Ивановой [Иванова 1993, 173], что устранение подобных «белых пятен» является актуальной задачей современной фольклористики. Настоящая статья посвящена Ивану Спиридоновичу Абрамову (единственная небольшая работа, рассказывающая о судьбе Абрамова и содержащая описание его фонда в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом), появилась совсем недавно [Иванова 2007,

90—93]), личности разносторонней, педагогу и краеведу, автору ряда ценных публикаций по фольклору [Абрамов 1906, 1—2; 1906а, 36—37; 1907, 29—30; 1907а, 43—44; 1904, 266—298], этнографических очерков [Абрамов 1905; 1906б; 1914], небольшого сборника рассказов [Абрамов 1907б]. Часть фольклорно-этнографических материалов, собранных Абрамовым, хранится в РГАЛИ (ф. 1235), там же имеются его статьи и наброски фольклористического, историко-литературного и литературоведческого характера.

И. С. Абрамов родился в 1874 г. в селе Воронеж Глуховского уезда Черниговской губернии. В своих воспоминаниях [Абрамов 1937] Иван Спиридонович необыкновенно тепло и поэтично описывает родные места: «Вокруг Воронежа ровные, как скатерть, поля, на которых мы, деревенские ребята, пасли коров, телят и свиней. Летом целые дни мы проводили в полях среди колющейся ржи и полевых цветов, прислушиваясь к серебристым непрерывным трелям жаворонка. Провинишься, бывало, чем-нибудь перед родителями, сейчас в поле, зачавив ломоть хлеба. Вернешься поздно вечером, когда в небе зажгутся далекие звезды. Неразлучными спутникам нашими были собаки — наши любимцы. В поле при дороге, поросшей чистой травой — “спорышем”, раскладывали огонь и пекли сало или разысканные здесь же грибы “печерицы”» [Там же, л. 1—2]. Детские впечатления, пронизанные традиционным народным бытом, фольклором, исподволь формировали будущего краеведа. В своих воспоминаниях Абрамов сообщает любопытные сведения о жизни украинской сельской детворы 80-х гг. XIX в.: «Зимой нам, деревенским детям, жилось похуже. Полуодетые, почти босые, мы ютились в тесной

хате, редко выбегая на улицу. В нашем тесном переулке ветер наметал огромные сугробы. Мы зарывали в снежный сугроб “цыбулю” (лук) и, мороженный, он казался нам очень вкусным. Иногда после оттепели, на огороде замерзала большая лужа. На ровном ледяном просторе вбивался в прорубленный лед кол, на него одевалось колесо, к колесу прикреплялся длинный шест, на противоположном конце которого прикреплялись сани или ледяная круглая глыба с выдолбленным в ней сидением. Когда колесо вращалось, сани стремительно летели по кругу с счастливым седоком, у которого захватывало дух от быстрого вращения этой самодельной карусели. Случалось попадать под лед в полынью и искупавшись в ледяной ванне проситься на теплую печку к сердобольной соседке. Домой страшно было показаться — накажут» [Там же, л. 3—4]. Сама среда обитания располагала к фольклорному творчеству: «Ночью, когда в трубе зверем завывала метель, и хата по самые окна была погребена в сугробы, мы, ребята, нас было семеро в семье, укладывались в большой мешок, нижняя сторона которого была нашей подстилкой, а верхняя — покрывалом, и перед сном рассказывали друг другу страшные сказки: “И ехала тут карета: кони красные, карета красная и кучер красный. Лежали тут кости из рук и ног. Это что? Это мои кочерги. Лежал людской череп. Это что? Это моя миска. Лежали зубы — это мое наместо (бусы)”» [Там же, л. 5].

В жизни мальчика из крестьянской семьи загадочность фольклорного мира сосуществовала с тайной, чудом православной веры. Абрамов рассказывает: «Вспоминалось еще, как я не давал Мелаше <сестре. — С. С.> каши, как мы дрались из-за каши — кому достанется “пригарка”, присохшие к стенам горшка крупинки. Каждый тянул в свою сторону. Я тянул сильнее всех. Ребята вдруг пустили горшок, и он крепко ударил меня прямо в лоб. Мигом вспухла большая шишка. Это была большая неприятность! Придет отец (а он был престрогий), спросит: “Где набил лоб?” И обязательно попадет ремнем. Нужно было принимать радикальные меры. Мне было пять лет, но я уже знал, что

“для Бога все возможно”. Что стоит этому всемогущему Богу заживить эту шишку на лбу и тем избавить меня от грядущих величайших неприятностей. Я стал на колени перед иконами и принялся бить земные поклоны, упрашивая всемогущую силу избавить мой лоб от приобретенного украшения. Очевидно, поклоны сыграли роль массажа. Когда пришли родители, гузя уже не было» [Там же, л. 6—7].

Несмотря на то что у деревенского мальчишки было немало занятий и развлечений, ограниченность сельского мирка заставляла мечтать о далеком, неизведанном, так, наверное, рождались народные легенды о Беловодье или Граде Китеже. Безусловно, осознавая включенность своего детского мира в мир фольклорный, уже опытный собиратель Абрамов, рассказывая об этой мальчишеской тяге к дальним странствиям, использует приемы народной словесности: сказочную формулу «долго ли коротко», уменьшительно-ласкательный суффикс («дороженька»), постоянный эпитет («темная ночь»): «Летом наступала для нас, деревенских ребят, прекрасная жизнь. Жизнь проходила среди полей. На узких межах, на широких дорогах мы пасли телят целыми днями. <...> Над нами был голубой купол, по которому своим обычным путем каждый день гуляло жаркое солнце. Там впереди сходилась солнце с землей, и край света казался совсем близким. Однажды трое нас, ребят, поручили своих телят другим пастушкам, пообещав им яблоч, а сами пошли искать конца света, который, по нашему основательному убеждению, был не так далеко. Долго ли коротко шли мы по широкой столбовой дороге, не помню, но только голод стал крепко донимать нас. Растут вербы по обем сторонам дороги. На высоких столбах гудит проволока, гудит протяжно и таинственно. Дальше, дальше бежит прямая дороженька. Рассыпали свои серебряные трели жаворонки, каркали вороны, шел пахарь с сохой, как и в древние времена, когда по этой самой дороге вел свои полки на половцев Игорь Новгородский. К полдню мы добрались до какого-то дальнего хутора и сели у колодца, ожидая, что кто-нибудь вый-

дет брать воду и даст нам напиться. Из маленькой хаты, окруженной цветущей мальвой, вышла молодая девушка с наместами (бусы) на шее. Она ласково спросила нас:

— Куда же вы идете, хлопчики?

Мы замялись. Один тихо признался:

— Куда очи глядят.

— А чьи же вы будете?

Мы сказали чьи и попросили хлеба.

Параша вынесла нам по ломтю хлеба с солью и посоветовала вернуться домой. «А то придет темная ночь и вас съедят волки». Мы послушались совета доброй Параша и пошли обратно» [Там же, л. 15—16].

Вскоре в душе крестьянского мальчика рядом с поэтическим переживанием окружающей жизни пробудится еще одно увлечение — книга. Ивану Абрамову очень хочется учиться, и, наконец, отец отдает его в местную школу, одну-единственную на все местечко, переполненную мальчишками. Девочек, по словам мемуариста, учить считали совершенно излишним. «Все будут ученые, а работать кому? Рядом с нами жил богатый казак, владелец большого поля. Своих лошадей и коров он считал десятками. Однако он не послал учиться ни одну из своих пяти дочерей. Так и выросли все неграмотными. Между тем родная бабушка этих пяти неграмотных хлелоборок была из Кулишовского роду, тетка известного украинского писателя. Кажется, ее тоже не считали нужным учить» [Там же, л. 12]. Школа, в которой учился Иван, представляла собой типичный образчик, неоднократно критически описанный в русской классике. Однако Абрамов вспоминает о ней скорее с благодарностью, ведь она как бы то ни было дала возможность парнишке из бедной крестьянской семьи приобщиться к неведомому, но такому желанному знанию: «Учителем в нашей школе был некий Василь Филиппович. Сложения богатырского, с большой окладистой бородой, правильными чертами лица, большой любитель выпить.

— Ему бы медведей водить, — говорили родители, — а он ребят учит.

Приходил он в класс недовольный и сумрачный после ночных кутежей. Сидел неподвижно часами за столом, опустив на руки свою могучую голову.

Проказников хватал за чуб или давал здоровенные затрешины. Помню, однажды у классной доски он так крепко хватил меня по уху, что я покачулся и грохнулся головой о доску. За шалости строго взыскивал, например, ставил на колени на парту так, чтобы колени попадали на рубчик и при этом все время нужно было держать руки вверх. Линейка тоже часто прогуливалась по нашим маленьким ладоням. Василия Филипповича мы боялись. В его отсутствие сторож, стоя к нам лицом, многозначительно указывал оттопыренным большим пальцем назад, на учительскую. И мы затихали, как цыплята при виде ястреба. Сам наш наставник, очевидно, получил самое маленькое образование, даже в начальной арифметике разбирался слабо» [Там же, л. 18—19].

В школьную пору чтение целиком поглощает подростка. Он перечитывает небогатую школьную «библиотеку»: «Чтения в соляном городке», немного брошюр, дешевенькие жития святых [Там же, л. 19]; сходится с учившимся классом старше Данилой Безверхим, обладателем собственной маленькой библиотечки, приобретенной на сельских ярмарках и у шетинников. Абрамов приводит чрезвычайно интересные сведения о круге чтения сельчан, о том, как добывались книги: «У него <Данилы. — С. С.> было несколько песенников, “Кровавый дух или жертва злодеев” в яркой обложке, “Лесной бродяга”, “Конек-горбунок” Ершова, разные повествования Миши Евстигнеева¹, перелетки Тараса Бульбы и т. п.» [Там же, л. 20]. Абрамов отмечает острую нехватку книг на родном украинском языке: «Однажды Данило поведал, что у одной хуторянки есть книжка, написанная так, “як мы балакаем”, т. е. по-украински. Мы пошли на хутор и получили книжку для “прочота”, поклявшись, что вернем

¹ Михаил Евдокимович Евстигнеев (1832—1885) — лубочный писатель, обычно подписывался «Миша Евстигнеев». Его перу принадлежат такие произведения, как «Водяной на мельнице, или мельник-колдун» (М., 1869), «Непобедимый витязь» (М., 1869), «Баба-яга и добрый богатырь» (М., 1870), «Страшный клад, или Татарская пленница» (М., 1874) и др. Писал по заказам издателей лубочной литературы А. И. Манухина, А. В. Морозова, П. И. Орехова, И. Д. Сытина.

в целостности в самом скором времени. Это был “Закоханый чорт” Олексея Стороженька². Эту книжку мы читали вслух дома, и все слушали с превеликим интересом и поражались, что она написана “по-мужицьки”, т. е. по-нашему» [Там же, л. 20—21].

Не только лубочная литература была по вкусу Ивану и его другу: «В другой раз ходили мы с Даниилом версты за три к одному хлопцу на хутор, у которого была такая книжка, в которой рассказывалось про все наше государство и перечислялись и описывались все главные города. Это был самый обыкновенный старый учебник географии России. Мы шли смотреть его по снежным полянам, через пруд, окованный льдом. Резкий зимний ветер обжигал щеки. Сухие былинки жалобно качались и принакали к земле. Голодные и прозябшие до костей вернулись мы домой, все же довольные, что видели книжку про все наше царство» [Там же, л. 21]. У сельской интеллигенции библиотеки были более обширными. С помощью учителя Василия Филипповича Иван познакомился с местными паничами, которые стали давать ему книги Крылова, Григоровича, Тургенева, Гоголя. У своего соседа, акцизного, юный книголюб раздобыл Майна Рида.

Однако круг чтения грамотных крестьян складывался все же прежде всего из той лубочной литературы, которая продавалась на ярмарках и разносилась по селам офенями или щетинниками, как называли их на Черниговщине. Рассказ Абрамова о них — важное свидетельство об ушедшем культурно-бытовом явлении: «После веселых, радостных, шумных рождественских праздников, в т[ак] н[азываемые] “мясницы” появлялись в селе “щетинники”. С перстнями, лентами, серьгами, лубочными картинками и книжками. Занесли один раз щетинники первую часть знаменитой книги «Необычайные при-

² Стороженько Алексей Петрович (1805—1874) — украинский писатель, печатался в «Библиотеке для чтения» и «Северной пчеле». Известность приобрели «Рассказы из крестьянского быта малороссиян» (1858). Многие произведения Стороженько созданы на основе украинского фольклора («Українські оповідання», «Стежин Рог», «Марко Проклятий» и др.)

ключения Робинзона и слуги его Пятницы на необитаемом острове». Такой интересной книги нам с Даниилом еще не приходилось никогда читать. Зато вдыхание, мы в десятый раз дочитывали эту прекрасную книжку в красивой яркой обложке. В конце книжки стояли интригующие слова: “Окончание смотри во второй части”... Но где достать эту 2-ю часть? Все лето и осень прошли в мечтах о продолжении робинзоновых приключений. Посетит ли какой-нибудь корабль его пустынный остров? Удастся ли, наконец, вернуться ему в свое дальнейшее отечество? Какие еще опасности и приключения встретит Робинзон на своем пути? И нет ответов на эти вопросы. Не расскажет полевой ветер, гуляющий над просторами бескрайних нив, не скажут полосатые версты и телеграфные столбы, вечно гудящие, вечно поющие непонятную нам таинственную песню. Оставалась одна надежда — придут зимою после Рождества щетинники, они же книгоноши-ходебщики, и принесут продолжение чудесной книги. Они пришли, как всегда приходили, с подвернутой наружу полкой, с длинными палками от злых крестьянских собак.

— Эй, щетины! У кого есть щетина? — раздался по улице зычный голос офеней.

С бьющимся сердцем бежал им навстречу. Но, увы, они даже не понимали, о каком таком «Робинзоне» идет речь. Мало ли каких книжек, каких картинок они продали по деревням. Наше дело продать, ваше дело купить» [Там же, л. 22—23].

Новый период в жизни Абрамова начался с его поступлением в сельскохозяйственную школу, организованную для крестьянских детей помещиком Н. Н. Неплюевым. Хутор Воздвиженск, где располагалась школа, находился в 35 верстах от Воронежа. Из 300 ребят, желавших поступить в нее, приняли около 20 человек, среди которых был и Иван. Школа Неплюева оказалась для Абрамова серьезным нравственным испытанием, обнаружившим в юноше независимость и способность к самостоятельному мышлению. Впоследствии он описал порядки, царившие в неплюевской школе, в очерке «В культурном

скиту» [Абрамов 1902]. Учебный год продолжался с 1 октября по 1 апреля, в остальное время ученики работали на землях Неплюева и в мастерских. Отпуска были редки и кратки. Зимой дети вставали в 6 часов, с 8 до 12 часов проводились классные занятия, а с половины первого до 4-х часов — «работы в мастерских и по дежурствам» [Там же, 8]. Летом работали с 4 часов утра до 8—9 часов вечера. Однако не тяжелый физический труд угнетал привычного к нему крестьянского юношу. Абрамов претил духовный уклад школы, напоминающий одну из современных тоталитарных сект. Неплюев называл свое детище религиозно-хозяйственным объединением, братством, себя же именовал посадником, блюстителем. В школе царила атмосфера тотального контроля, наушничества, ханжества, беспрекословного подчинения и обожествления Неплюева. Абрамов резюмирует: «Нишета заставила их <крестьянских детей. — С. С.> за кусок хлеба и крупицу знаний отдать в плен Николаю Николаевичу свои души в полное и безконтрольное владение» [Там же, 48]. Вольнолюбивый нрав Абрамова неоднократно становился объектом порицания в «характеристиках», которые каждый воспитанник писал о каждом своем сотоварище и зачитывал вслух на собраниях коммуны. Между прочим, «неплюевцы» укоряли Ивана за его любовь к народному творчеству: «Часто ты разгульно кричал, сочувственно присвистывал рабочим, когда они пели грубые и разгульные песни» [Там же, 28]. Тем не менее, окончив пятилетнюю школу одним из лучших, Абрамов получил предложение преподавать в братстве. Однако, проработав учителем две зимы, он покинул заведение Неплюева, пешком отправившись в Воронеж из душного рабства.

Вернувшись домой, молодой человек стал искать места сельского учителя и через некоторое время получил его в селе Студенок за Глуховым почти на границе Курской губернии. Абрамов следующим образом описывает это село: «Село Студенок расположилось вокруг небольшого пруда. Избы бедные, крытые соломою с крошечными оконцами. На пригорке по ту сторону

пруда стоял старинный обширный барский дом с белыми колоннами, в котором обитала старая помещица Ольга Федоровна. Тихо и пустынно было в этом доме. <...> Все та же Прозерпина в столовой на потолке, изображенная пленным французом; тот же фарфор с завода Миклашевского из с[ела] Волокитино, расставленный в великом избытии в буфете и на буфете. <...> Около барского дома, по косогору, раскинулся старинный сад, весь звучащий в майские ночи дивными соловьиными трелями» [Абрамов 1937, л. 39—40]. Внешний облик села вполне соответствовал быту и нравам, царившим в нем, и, по замечанию автора, оказавшегося здесь в начале 1890-х гг., они мало изменились со времен крепостного права. Все так же приходили к барыне мужики, «величали “вашей милостью” и просили пособия по случаю пожара или падежа скота. Некоторые при этом падали на колени. При этом комнатная собачка Крошка поднимала неистовый лай и впивалась как пиявка в мужицкий лапоть» [Там же, л. 39]. Барыня «ругала мужиков лежебоками и пьяницами, после чего подавала милостыню» [Там же]. Достопримечательностью деревни являлась «ветряная мельница выдающихся размеров», которую «соорудил мелкопоместный помещик Николай Петрович по собственным проектам и чертежам, не доведя до конца» [Там же, л. 40]. Другой местный помещик замечал по этому поводу: «В Москве <...> есть пушка, которая не стреляет, а в Студенке царь-мельница, которая не мелет» [Там же]. Как видно, гоголевские образы, в том числе Манилов с его немислимыми проектами, вовсе не плод писательского преувеличения.

Очень любопытна в этнографическом плане зарисовка крестьянской свадьбы, сделанная Абрамовым: «После Рождества наступал в селе период свадеб, и тогда Михайло Григорьевич <церковный псаломщик. — С. С.> блаженствовал:

— Вон пятерица летит, — говорил он, увидев в окно крестьянина, идущего договариваться насчет венчания сына. Крестьянин, конечно, являлся не с пустыми руками, — в кармане у него была припасена порядочная бу-

тылка водки. Выпивали, закусывали салом или жирной колбасой и крепко торговались; но ниже пятирицы не спускал Михайло Григорьевич, хотя и был “в градусах”. Договор крестьянина с Михайлой Григорьевичем был все же делом второстепенным; главное, нужно было убогатить батюшку. На сельской свадьбе выпивалось неимоверное количество “горелки”. А особенно безумствовали бабы после выявления факта, что молодая оказалась “невинной”. Высоко над хатами развевался на шесте красный флаг. Родителям молодой отдавалась честь и слава. С нетерпением ожидали бабы сорочку молодой, чтобы произвести экспертизу. Но случалось, что жених слишком медлил, оказывался несостоятельным и нарушал правильный ход свадебного ритуала. Такой жених вызывал общее негодование. Тогда бабы посылали на выручку сильного и ловкого мужика:

— Максим! Ты пошел да помог ему.

Довольно усмехаясь, Максим не заставлял себя упрашивать. Дверь в “комору”, где спали молодые, отворялась, и туда вступал Максим безо всякого опасения. Не могу сказать наверное — оставался ли там жених или выходил на некоторое время. Вскоре выходил торжествующий Максим. Град шуток несся ему навстречу. Он отшучивался и выпивал добрую чарку. Бабы завладевали рубашкой невесты и, внимательно осмотрев, произносили свой приговор о поведении невесты до свадьбы, при этом и Максим имел право решающего голоса. И еще сильнее гремела музыка, еще бешенее танцевали гости, еще больше выпивалось водки и варенухи» [Там же, л. 42—43].

Иван Спиридонович проработал в студенковской школе всего один год. В 1895 г. он поступил в Учительский институт в Глухове, три года учебы в котором назвал «прекрасным незабываемым временем» [Там же, л. 44]. По окончании института Абрамов был назначен учителем двухклассного городского училища в городе Ровно. Здесь молодой человек начал писать и через два года решил отправиться в Петербург, заручившись письмом к уроженцу Ровно известному писателю В. Г. Короленко от его знакомых. С 1900 г.

Абрамов начал работать в городском училище Павловска под Петербургом, параллельно пытаясь писать рассказы. Изредка начинающему автору удавалось поместить в «Русском богатстве» рецензии на книги, которые он брал у редактора журнала Н. К. Михайловского. В Павловске он познакомился с критиком А. М. Скабичевским, в доме которого встречал Д. Н. Мамина-Сибиряка и С. Н. Южанова.

Через некоторое время Абрамов перебрался в столицу и стал работать в Исаакиевском четырехклассном городском училище. Несмотря на то, что работа отнимала много времени, Иван Спиридонович стремится войти в литературную среду Петербурга: знакомится с В. С. Мирлобовым, издателем «Журнала для всех», М. П. Арцыбашевым, посещает литературные вечеринки Ф. К. Соллогуба, который в то время был инспектором Андреевского городского училища. Абрамов вспоминает о писателе: «От своих братьев-педагогов держался он в стороне. С учениками был строг и поддерживал дисциплину. Оторвавшись от своих школьных хлопот, уединившись в учительской, он умел отдаваться упорному и продуктивному труду. Раньше он служил, кажется, в Торопце; свои провинциальные наблюдения использовал в известном романе «Мелкий бес». Педагогическое начальство и рядовое учительство с неудовольствием говорило об этом романе и считало его злостным пасквилом» [Там же, л. 50]. У Соллогуба Абрамов встречал и слушал Чулкова, Кондратьева, Блока.

С того же времени (первые годы XX в.) получают новый импульс и фольклорно-этнографические интересы Абрамова. Он посещает заседания этнографического отдела РГО, где знакомится с В. И. Ламанским. Под его руководством Иван Спиридонович осуществляет свои первые публикации в «Живой старине». А. А. Шахматов, заинтересовавшись записью Абрамова народной драмы «Царь Максимилиан», помогает ему опубликовать ее в «Известиях русского языка и словесности Академии наук». В летние каникулярные месяцы Абрамов начинает ездить по заданию этнографического отделения Русского музея

в экспедиции. В 1902—1903 гг. Иван Спиридонович прослушал полный курс Археологического института, частного учебного заведения, в котором лица, уже имевшие высшее образование, могли пополнить свои знания не только в области археологии, но и палеографии, архивоведения, нумизматики, этнографии (об этом учебном заведении см. [Иванова 1982, 129]). Помимо этнографических поездок он активно посещал раскопки Археологического общества и Археологической комиссии.

Именно в первые полтора десятилетия XX в. появляется большая часть фольклорно-этнографических публикаций Абрамова. В «Живой старине» собиратель печатает как отдельные тексты, записанные в экспедициях [Абрамов 1906, 1—2; 1906а, 36—37; 1907, 29—30; 1907а, 43—44; 1904, 266—298], так и этнографические очерки [Абрамов 1906в; Абрамов 1907в], созданные на основе этих путешествий. Последнему жанру, представленному также отдельными нежурнальными изданиями [Абрамов 1905; Абрамов 1906б; Абрамов 1914], Абрамов, мечтавший о писательской карьере, отдает предпочтение. По характеру его этнографические очерки весьма разноплановы. «Черниговские малороссы» являются по сути дела публикацией фольклорно-этнографических материалов, собранных в родных Абрамову местах. Очерк открывается историческим экскурсом в прошлое местечка Воронеж и рассказом о современном быте села. Далее следует описание обрядов обжинок, свадебного, крещения, масленицы, встречи весны с включением текстов песен; сообщается об исполнении на святки народной драмы «Царь Максимилиан», а также приводятся тексты колядок, щедрок, песенок, сопровождающих обряд засеивания, и рассказ о нем; отдельная глава посвящена лирникам; в завершающей части излагаются приметы и суеверия. Интересно, что, воссоздав весьма поэтическую картину народной жизни, Абрамов в заключение размышляет и об отрицательных сторонах иррационального крестьянского мироощущения. Он вспоминает о недавно произошедшем чудовищном преступлении, толчком к которому стало «глубоко укоренивше-

еся убеждение, что свеча, сделанная из человеческого сала, имеет чудесное свойство наводит мертвый сон на всех людей. Когда такая свеча зажжена, можно брать все, что угодно: никто не проснется» [Абрамов 1905, 40]. В результате, чтобы добыть чудесную свечу, одна крестьянская семья убила соседского мальчика. Таким образом, через фольклорно-этнографические факты Абрамову удается передать многомерность далекой от идиллии деревенской действительности.

Ряд очерков Абрамова можно называть очерками-отчетами или очерками-путеводителями. В них автор последовательно излагает маршрут своей поездки, отмечая, что интересного в каком пункте удалось увидеть или услышать. Но нередко Абрамов не удерживается в рамках сухой перечислительности. Жертвуя полнотой описания маршрута, он подробно останавливается на тех моментах путешествия, которые, по-видимому, произвели на него самого наиболее сильное впечатление. Наглядно продемонстрировать эти подходы позволяют имеющиеся в писательском наследии Абрамова два очерка, посвященные одной экспедиции — «По Волынскому Полесью» и «По Волынскому захолустью». Если в первом автор приводит самые разнообразные сведения, подчерпнутые во время поездки: исторические и археологические факты, фольклорные рассказы, этнографические наблюдения, заметки о современной жизни, зарисовки о людях, с которыми довелось встретиться в пути, то во втором он сосредоточивается в основном на трех эпизодах путешествия (о них он кратко упоминает и в первом очерке): посещении местечка Искорость, где, по преданию, была столица древлян, сожженная Ольгой; встрече со стариком-пастухом у кургана, слывающего в народе Игоревой могилой; участии в купальском обряде в селе Татарновичи. В первом эпизоде Абрамов замечательно передает связь фольклора с двумя факторами — историческим прошлым края и его природным ландшафтом. Он пересказывает ряд преданий, которые, с одной стороны, увязываются с именем княгини Ольги, а с другой — вызваны осо-

бенностями рельефа данной местности. Путешественник рассказывает: «Глубокая, таинственная и вместе торжественная тишина вечно царит в этом изломе реки. Каменные берега в несколько сажень высотой охраняют течение; самый сильный ветер не проникает сюда и никогда не замутит рябью спокойную поверхность воды, которая представляется в этом месте черной, как чернила» [Абрамов 1906б, 1]. Такое «особенное» место не может остаться без народного «комментария», и он действительно существует: «Это место называют в народе “святыя”. Старинное народное предание гласит, что здесь на одном из уступов высокой скалы была выстроена княгиней Ольгой христианская церковь во имя св. Елены, первая церковь в древланской земле. Но, рассказывает преданье, однажды в “великдень”, т. е. на Святое Христово Воскресенье, случилось великое чудо — христианский храм, вместе со священником и молящимися, вместе с иконами и хоругвами, провалился сквозь землю. Такое поущение Божеское случилось по вине самой матушки-попадьи, которая будучи обуреваема жадностью, несмотря на праздник “великдень”, вздумала было шить мешки для обильных пасхальных приношений, которые по обычаю ожидались от православных христиан. С тех пор, рассказывает наивная народная легенда, если приложить ухо к каменной скале, то можно услышать по большим праздникам колокольный звон» [Там же, 2].

В центре второго эпизода — колоритный образ пастуха, рассказывающего собирателю предание об Игорева могиле. В заключительной части очерка Абрамов, конечно, неслучайно приводит описание купальского обряда. Подробный, детализированный рассказ об этом таинственном и эстетически чрезвычайно эффектным ритуале оказывается действительно самым ярким художественным акцентом очерка.

Нельзя не отметить, что, пожалуй, самым поэтичным, прекрасно передающим национальный колорит и одновременно изобилующим фольклорным материалом является очерк Абрамова «На Украйне», посвященный его родному Глуховскому краю. Путь от

Глухова до Воронежа, который автор проделывает в повозке воронежского крестьянина Евтуха, разворачивается в очерке в волшебное путешествие в мир народного предания. Абрамов воспроизводит ситуацию, способствующую исполнению подобных историй: «Между тем сумерки словно сделались гуще. Темная ночь черной пеленой заботливо окутала спящую землю, и сгладились все резкие очертания. Где-то глухо кричала болотная птица, называемая здесь “бугаем”. Звезды в черном небе сделались чище и ярче» [Абрамов 1914, 16]. Возницу особенно интересовали клады, и собиратель передает два весьма развернутых рассказа Евтуха о подземном кладе и способности находить клады, обретаемой в купальскую ночь тем, кто находит цветок папоротника. История о купальском кладе была вызвана тем, что путники возвращались домой как раз вечером накануне Ивана Купалы, и в ткань повествования, таким образом, вплетается еще и описание купальского обряда в селе Черториги.

Завершается очерк изложением астрономических представлений Евтуха, естественно также имеющих традиционный характер: «Звезды — это ангелы Божьи. Сидят они на ступеньках неба и держат в руках зажженные свечечки. Ежели дьявол вздумает зажечь свою, то Господь прикажет ее сбросить вниз. Вот от этого и падают звезды» [Там же, 21—22]. Трудно сказать, был ли выбор этой темы в качестве финальной для Абрамова сознательным. Однако в нем автору удалось точно отразить глубоко присущее народной традиции мистическое ощущение связи природного мира и мира человеческого. Таким образом, очерки Абрамова не только содержат ценные фольклорно-этнографические материалы, но и высвечивают важные особенности жизни традиции, являясь великолепным образцом популяризации этнографического знания.

После выхода в свет в 1914 г. сборника этнографических очерков «Под родным солнцем» Абрамов по неизвестным причинам не печатается в течение десяти лет. Во второй половине 1920-х гг. он публикует две программы краеведческого характера [Абрамов, Дзенс-Литовский 1925; Абрамов 1926],

а также две рецензии [Абрамов 1925а; Абрамов 1925б] и статью «Краеведы-самоучки» [Абрамов 1928], после чего вновь умолкает. Воспоминания Абрамова заканчиваются 1916 г., и сведения о его дальнейшей жизни и деятельности довольно скудны. Из поздравительной статьи Ю. Ступака [Ступак 1957], помещенной в 1957 г. (к этому времени 83-летний Абрамов еще работал в школьной библиотеке родного села) в районной газете «Ленинская правда», следует, что Иван Спиридонович некоторое время сотрудничал в Ленинграде с школьно-педагогической комиссией Центрального бюро краеведения, Обществом исследователей языка, истории и литературы под руководством академика Перетца, журналом «Краеведение». Конечно, Абрамова не могли не коснуться репрессии, обрушившиеся на краеведов в конце 1920-х гг. Сведения о нелегких испытаниях, выпавших на его долю, находим в книге Ф. Д. Ашнина и В. М. Алпатова «Дело славистов» [Ашнин, Алпатов 1994]. В 1929 г. Абрамов был арестован как подписчик журнала «Краеведение», сослан в Сольвычегодск. В 1930 г. он вернулся в Ленинград, работал научным сотрудником Центрального музея литературы. В 1933 г. был вновь арестован по делу Российской национальной партии. Абрамов пострадал из-за того, что посещал Украинское научное общество, где «делал доклад о народных виршах про горилку», ему приписывались также высказывания о бедственном положении украинского крестьянства [Там же, 43]. «Националист» был осужден и сослан на 3 года в Тюмень. После освобождения в 1936 г. снова приехал в Ленинград, а после войны вернулся на родину в Воронеж [Там же, 202].

Дома Абрамов работал в школе и параллельно занимался краеведением и собиранием фольклора, о чем свидетельствуют архивные материалы. В совокупности с публикациями из Глуховского уезда записи, сделанные в Воронеже [Абрамов 1904; 1916; 1917–1929; 1937; 1940], представляют большой интерес, поскольку являются подробной и разносторонней фиксацией фольклорной традиции одной местности примерно за 30 лет. Три тетради [Абрамов

1937а] посвящены классическому песенному репертуару села. Записи были осуществлены летом 1937 г. Первая тетрадь, содержащая 72 текста, представляет репертуар 40-летней жительницы Воронежа Евдокии Григорьевны Смолко. Наиболее интересны здесь песни свадебные, а также исполнявшиеся во время жатвы и молотбы. Во второй тетради (40 текстов) собраны песни, зафиксированные в основном от Александры Ивановны Тищенко 75-и лет и Клеопатры Александровны Николаевой (возраст не указан). Любопытно, что от последней записана песня Адольфа из «Царя Максимилиана». Третья тетрадь содержит более 100 песен, исполненных Марией Спиридоновной Абрамовой 66 лет. В ее репертуаре множество свадебных песен, веснянки, купальские песни, баллады, песни, сопровождавшие прополку огорода. В четвертой тетради [Там же] собраны прозаические произведения (в основном сказки и предания), рассказанные Абрамову Давидом Ерофеевичем Макаренко 1862 года рождения. Отдельная папка [Абрамов 1928–1940] посвящена песням городских улиц и рынков времени НЭПа. В ней содержатся жестокие романсы, записанные как в селе Воронеж, так и в Ленинграде на Предтеченском рынке в 1928–1940 гг. Тексты песен сопровождаются интересными сведениями о самом процессе их бытования: «Профессиональными исполнителями являлись женщины и мужчины, выбившиеся из жизненной колеи, нередко инвалиды, обитатели ночлежных домов и т. п. <...> Они выступали на базарах вдвоем, втроем, а иногда целой компанией, имеющей в своем составе мужские и женские голоса. <...> Но встречаются среди базарных исполнителей люди с большим материальным достатком. Они работают вдвоем или втроем, приглашают в компанию гармониста. <...> Привлекают внимание слушателей “завыванием”:

— Вот сейчас, уважаемые граждане, мы исполним несколько номеров, очень замечательных. Первая песня — действительное происшествие, случившееся там-то, например, на Митрофаньевском кладбище, на Нижегородской ул<ице> и т. д. Это такое выдающееся

дело, о котором даже много романов написано.

Иногда певец разнообразит свою речь:

— Пользуйтесь случаем, а то я скоро уезжаю очень далеко: в Соловки...

— Не в Соловки, — перебивает его партнер, — а в Стрельну, картошку копать...

После каждой песни снова обращение к публике с шапкой в руках:

— А теперь пожертвуйте, дорогие граждане, кто сколько может! Пятачок, гривенник вас не разорит, крышки за эти деньги не покроешь... Так не поскупились. Ежели кому, граждане, эта песня понравилась, то можете ее приобрести за 20 коп<еек>, она у нас на бумажке прописана вся как есть, в полном виде. И слушатели охотно покупают.

— Давай, Верочка, купим, — говорит пожилая женщина рядом стоящей девушке, — будем читать и плакать.

Песни, поступающие в продажу, переписаны рукой, довольно неграмотно, иногда оттиснуты детскими резиновыми буквами, что продаются в числе игрушек, иногда переписаны на пишущей машинке, тоже с ошибками. Песни снабжены заглавиями: “Отец-зверь”, “Три жертвы города”, “Зверство из-за любви” и т. п.» [Абрамов 1928—1940, л. 1—2]. Данные Абрамова свидетельствуют о том, что и в советские довоенные времена сохранялся специфический путь проникновения текстов в народную среду через базары и рынки и «гастролирующих» там полупрофессиональных исполнителей.

Иван Спиридонович не только собирал песни родных мест, но и намеревался написать исследование «Из наблюдений над современной народной песней в украинской деревне на глуховщине», подготовительные материалы к которому сохранились в его фонде в РГАЛИ [Абрамов 1917—1929]. В папке хранятся отобранные для работы и перепечатанные тексты песен с комментариями собирателя. Их жанровое разнообразие (календарные и свадебные обрядовые, лирические песни и песни, сопровождавшие разные этапы крестьянского труда, похоронные причитания, баллады, детские песни, жестокие романсы и блатные песни)

демонстрирует масштабность замысла Абрамова. К сожалению, этому, как и многим другим задумкам Ивана Спиридоновича, не суждено было сбыться. Судьба талантливого собирателя и краеведа в советскую эпоху оказалась столь же сложной, как и путь к знанию бедного мальчишки из далекого украинского села во времена царизма.

Литература

Абрамов 1902 — *Абрамов И. С.* В культурном скиту. СПб., 1902.

Абрамов 1904 — Царь Максимилиан / публикация И. С. Абрамова // Изв. отд. русского языка и словесности имп. АН. 1904. Т. 9. Кн. 3. С. 266—298.

Абрамов 1905 — *Абрамов И. С.* Черниговские малороссы. Быт и песни населения Глуховского уезда Черниговской губернии. СПб., 1905.

Абрамов 1906 — Обряд «повиванья» в Курской губернии / публикация И. С. Абрамова // Живая старина. 1906. Вып. 1. Отд. 5. С. 1—2.

Абрамов 1906а — Почему в России умирает много детей? (Народная легенда) / публикация И. С. Абрамова // Живая старина. 1906. Вып. 2. Отд. 5. С. 36—37.

Абрамов 1906б — *Абрамов И. С.* По волынским захолустьям. СПб., 1906.

Абрамов 1906в — *Абрамов И. С.* О курских Саянах // Живая старина. 1906. Вып. 3. Отд. 1. С. 203—220.

Абрамов 1907 — Легенда пчеловодов / публикация И. С. Абрамова // Живая старина. 1907. Вып. 3. Отд. 5. С. 29—30.

Абрамов 1907а — Умерла правда / публикация И. С. Абрамова // Живая старина. 1907. Вып. 4. Отд. 5. С. 43—44.

Абрамов 1907б — *Абрамов И. С.* Деревенские очерки. СПб., 1907.

Абрамов 1907в — *Абрамов И. С.* Старообрядцы на Ветке // Живая старина. 1907. Вып. 3. Отд. 1. С. 115—148.

Абрамов 1914 — *Абрамов И. С.* Под родным солнцем. Экскурсии по России. СПб., 1914.

Абрамов, Дзенс-Литовский 1925 — *Абрамов И. С., Дзенс-Литовский А. И.* Познание местного края. Объем, содержание и приемы ведения краеведческой работы и организации местного музея. Планы работ и краткие программы для изучения своего края. Л., 1925.

Абрамов 1925а — *Абрамов И. С.* Рецензия на кн.: Русская устная словесность. Темы. Библиография. Программы для собирания произведений устной поэзии / сост. Н. Л. Бродский, Н. А. Гусев, Н. П. Сидоров. Л., 1924 // Краеведение. 1925. № 3—4. С. 339.

Абрамов 1925б — Абрамов И. С. Рецензия на ст. А. Смирнова-Кутаческого «Происхождение частушки» // Краеведение. 1925. № 1—2. С. 131—132.

Абрамов 1926 — Абрамов И. С. Опыт программы по изучению культурно-экономического состояния деревни. Л., 1926.

Абрамов 1928 — Абрамов И. С. Краеведы-самоучки (биографии собирателей В. Ф. Кулакова (Вологодская губ.), И. В. Костоловского (Ярославский край), Е. Д. Макаренко (Черниговская губ.)) // Краеведение. 1928. № 2. С. 93—102.

Ашнин, Алпатов 1994 — Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.

Иванова 1982 — Иванова Т. Г. Н. Е. Ончуков и судьба его научного наследия // Русская литература. 1982. № 4.

Иванова 1993 — Иванова Т. Г. Русская фольклористика начала XX в. в биографических очерках. СПб., 1993.

Источники

Абрамов 1904 — «Царь Максимилиан» (два варианта народной драмы). 1904 // РГАЛИ. Ф. 1235. Оп. 1. Ед. хр. 12.

Абрамов 1916 — «Хождение со звездой», «Представление с козой». Обряды. Записаны в местечке Воронеж, Черниговской губернии от Левченко Федора Васильевича в 1916 г. // РГАЛИ. Ф. 1235. Оп. 1. Ед. хр. 45. 4 л.

Абрамов 1917—1929 — Народные песни, записанные в м. Воронеж. 1917—1929 // РГАЛИ. Ф. 1235. Оп. 1. Ед. хр. 38. 132 л.

Абрамов 1928—1940 — Мещанские романсы. Записаны в поселке Воронеж. 1928 — 20 марта 1940 // РГАЛИ. Ф. 1235. Оп. 1. Ед. хр. 40. 14 л.

Абрамов 1937 — Абрамов И. С. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1235. Оп. 1. Ед. хр. 22. 63 л. 1937.

Абрамов 1937а — Сказки, рассказы, предания, записанные в селе Воронеж 21 июня — 21 августа 1937 // РГАЛИ. Ф. 1235. Оп. 1. Ед. хр. 43. 115 л.

Ступак 1957 — Статья Ю. Ступака «Самый старый краевед» из газеты «Ленинская правда». 1957 г. // РГАЛИ. Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 14. 1 л.

Summary. *The article tells about the fate of I. S. Abramov, talented local historian and collector of folklore. RGALI-preserved folklore materials of Abramov are characterized in the article. The author analyzes Abramov's ethnographical essays devoted as Ukrainian, as Russian folklore and ethnographic traditions.*

Key words: *folklore, ethnography, local history, history of folklore, archive materials.*

К. Е. КОРЕПОВА
(Нижний Новгород)

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КАРПОВ — СОБИРАТЕЛЬ НИЖЕГОРОДСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Аннотация. *В статье освещается собирательская деятельность Андрея Васильевича Карпова (1857—1886), исследуется сборник песенных текстов, записанных им в Арзамасском уезде Нижегородской губернии в 1875—76 гг.*

Ключевые слова: *собиратели, Карпов А. В., краеведение, история фольклористики, архивные материалы.*

Имя Андрея Васильевича Карпова¹ в фольклористике фактически неизвестно. В 60-е гг. прошлого века его рукопись — сборник, содержащий 500 песенных текстов, записанных в 1875—76 гг. в Арзамасском уезде Нижегородской губернии, — обнаружил в архиве тогда Горьковской области [ЦАНО, ф. 766, оп. 598, №1, 2] В. М. Потявин [Потявин 1960]. Некоторые единичные тексты позднее публиковались [Потявин 1960; Корепова 1982; Корепова 1989; Корепова, Храмова 2005]. Недавно Арзамасский педагогический институт издал сборник полностью [Курдин и др. 2010], к сожалению не лучшим образом. Но есть основание теперь представить этого исключительно интересного собирателя, причем раскрыть его и как личность, и как определенный тип собирателя в русской фольклористике XIX в.

Биография А. В. Карпова известна в основном по некрологу, написанному его земляком, другом, одноклассником по уездному училищу А. К. Орешниковым [Орешников 1886]. На некрологе опирался Потявин [Потявин 1960], рассказывая о Карпове в очерке о собирании и изучении фольклора Нижегород-

¹ На родине, в с. Кирилловка, Карповы были больше известны под своей родовой «деревенской» фамилией — Гаранины. Называя домашний адрес, А. В. Карпов обязательно указывал и деревенскую фамилию: «С. Кирилловка Арзамасского у., Андрею Васильевичу Карпову, или Гаранину».